

* * *

Жизнь закончилась, а он ещё жив...
Непостижное продление дня,
напряжение измученных жил,
несвечение былого огня.

Сотрясанье изнурённых костей,
угасание натруженных глаз.
Что, не ждал таких весёлых вестей?
Ан настала их пора – вот те раз!

Даже близкое – теперь далеко.
А впотьмах и не найти ничего.
По привычке, тщетный, льёт молоко
он в кувшин, который старше его.

Да, кувшин прекрасен, прочная вещь –
пережил войну и переживёт
наливающего... Вещая печь
суждена тебе иль вечный живот?

НА КАНОНЕ ПОКАЯННОМ

На каноне покаянном
как нам страшно, окаянным,
искажившимся в лице!
Свечка каплями печётся.
Обо всех Господь печётся.
И о мне, о подлеце.

Крест кедровый. Треск искристый.
Что Андрей ни молвит Критский, –
это точно про меня.
Я во всех грехах виновен –
празднословный гордый овен,
саблезубое ягня.

Заковыка: как ни просишь,
в жертву не себя приносишь.
Раззудись, душа, виной,
жги колени *студной му́кой*;
перед судною разлукой –
нощный мраз и днёвный зной.

Плачешь? Плачешь. Ах ты, зая!
Покаянье лобызая,

отрезвляясь ото сна.
Марфа с Марьей на иконе.
И оне со мною ноне.
Накануне. На каноне.

И обновка не тесна.

Курсивом выделены обороты из Великого покаянного Канона преподобного Андрея Критского.

ТРИПТИХ ПО ОТЦУ

«Як страшно буде, коли мёрзлу землю стануть на гроб кидати...»

Слова преподобного
Амфилохия Почаевского (Головатюка),
сказанные им перед кончиной, в декабре 1970 г.

1

...А покуда шавки вокруг снуют,
примеряя челюсти для верняка,
ты поведать волен про свой уют,
про уют вселенского сквозняка,

коли понял: можно дышать и тут,
на перроне, вывернув воротник,
даже если ночь, и снега метут,
и фонарь, инфернально моргнув, поник.

Да, и в здешней дрожи, скорбя лицом,
заказавши гроб и крест для отца,
ты ведь жив стоишь, хоть свистит свинцом
и стучит по коже небес пыльца.

Город – бел, и горы белы́, холмы.
И твоя действительность такова,
что пора читать по отцу псалмы.
...Где ж тот поезд каличный «Керчь – Москва»?

Ведь пора идти отпевать отца
по канону, что дал навсегда Давид.
Да в итоге – снежище без конца
и ментов патрульных унылый вид.

Ты живой? Живой. Вот и вой-кричи!
«Всюду жизнь!» – нам сказано. Нелегка?
Но прибудет тётушка из Керчи.
И Псалтирь пребудет во все века.

А отец лежит – на двери, на льне,
в пятиста шагах, как всегда, красив...
В смерти есть надежда. Как шанс – на дне
ощутить опору, идя в пассив.

Смерть и есть та дверь, что однажды нас
приведёт, как к пристани, в те сады,
где назначен суд и отмерян час,
и лимита нет для живой воды.

2

Катафалк не хочет – по дороге, где лежат гвоздики на снегу.
...Рассказал профессор Ольдерогге то, что повторить я не смогу:

про миры иные, золотые, без придумок и без закавык.
Пшикайте, патроны холостые! Что миры? Я к здешнему привык.

Катафалк, железная утроба, дверцей кожу пальцев холодит.
А внутри его, бледна, у гроба моя мама бедная сидит.

Этот гроб красивый, красно-чёрный, я с сестрицей Лилей выбирал.
В нём, упёрший в смерть висок точёный, батя мой лежит, что адмирал.

Он торжествен, словно на параде, будто службу нужную несёт.
Был он слеп, но нынче, Бога ради, прозревая, видит всех и всё.

Я плечом толкаю железяку: не идёт, не катит – не хочет.
Голова вмещает новость всяку; да не всяку сердце уместит.

Хорошо на Ячневском бугрище, где берёзы с елями гудут!
Ищем что? Зачем по свету рыщем? Положи меня, сыночек, тут!

Через сорок лет и мне бы здесь лечь, где лежит фамилия моя.
Буду тих – как Тихон Алексеич с Александром Тихоным – я.

А пока гребу ногой по снегу, и слеза летит на белый путь.
Подтолкнёшь и ты мою телегу – только сын и сможет подтолкнуть.

3. СОРОКОВИНЫ

Третий день... девятый... сороко́вый ... Враз поправит Даль – сороково́й.
Что толочь-трепать словарь толковый, бестолковый в песне роковой!
Горевые думы домочадца: домовиной память горяча.
Батя прилетает попрощаться. Тает поминальная свеча.

Я гляжу, поддатый, бородатый, на немую вертикаль огня.
Батя, ты теперь – прямой ходатай пред Престолом Божьим за меня.
Ты отныне выйдешь в бело поле Серафимов, Ангелов и Сил.
Ты такого не видал – тем боле ты всегда немногого просил.

Как тебе? Не холодно скитаться? Может статься, даже веселó?
Я – с тобой не прочь бы посмеяться. Только – нынче губы мне светло.
Всё сегодня видится не резко... Колыхнулась пламени стрела.
Шелохнулась, что ли, занавеска?.. И душа – узнала, обмерла.